

Редакторы журнала середины XIX века: писатели Сербинович, Никитенко и великий русский педагог Ушинский

Виктор ЧУМАКОВ, писатель и историк

Первые двадцать три года редакцию Журнала Министерства Народного Просвещения возглавлял писатель Константин Степанович Сербинович. Министр граф Уваров не ошибся, остановив выбор именно на нём. В свои 36 лет главный редактор был не только хорошо образован (он окончил Полоцкую иезуитскую академию), но проявил себя человеком государственным и крепким, способным администратором. В 1826 году он за труды в «Комиссии, учреждённой для изыскания о злоумышленных обществах» был награждён орденом Владимира 4-й степени и тогда же назначен цензором Главного Цензурного Комитета. Летом 1827 года его командировали в распоряжение Петербургского генерал-губернатора для какого-то секретного следствия в Петропавловской крепости. В расследовании декабрьского восстания Сербинович, в частности, работал как переводчик польских бумаг.

Редактор крупнейшего педагогического журнала вёл большую общественную деятельность. В 1834 году он возглавил Комиссию для издания актов, собранных Археографической экспедицией, а также Комитет для размещения возвратившихся из Германии русских учёных. Но и этого мало: в 1836 году его высочайше определяют директором канцелярии обер-прокурора святейшего Синода, оставляя в должности заведующего журналом (так тогда называлась должность редактора). Исполнял он и другие, далёкие от редакторских государственных поручения, был, например, членом Комиссии прошений. Прожил 77 лет и скончался в чине тайного советника, что приравнивалось к званию генерал-лейтенанта. Был кавалером ордена Владимира трёх степеней, Александра Невского и других.

Сербинович был в дружеских отношениях с Н.М. Карамзиным, оставил о нём интересные воспоминания, опубликованные в журнале «Русская старина» за 1874 год. Перо мемуариста Сербиновича не обошло вниманием и ещё одну яркую личность — министра просвещения, адмирала, писателя и учёного-филолога Александра Семёновича Шишкова («Русская старина», 1899).

Иначе чем сердечными и трогательными не назовёшь отношения Сербиновича с Гоголем. Сохранились две записки писателя от 1834 года, который был корреспондентом журнала, к главному редактору. Привожу их с небольшими сокращениями.

«Все ваши и Сергея Семёновича (гр. Уварова. — В.Ч.) замечания я нахожу очень справедливыми и, как видите, воспользовался ими. <...> Я нарочно так выразился, потому что это составляет фигуру в слоге, а не ошибку. Так мне кажется. При том, этот оборот именно тот, который более всего выражает мою мысль. Я очень вам благодарен за присовокупление к истинной религии. Оно очень хорошо, и я бы не выдумал так. Я к вам заеду в 12 часов: авось не застану ли вас! Теперь же сей час никаким образом не могу. Много обязанный вам и чувствующий благорасположение. Н. Гоголь».

И вторая записочка: *«Очень благодарен вам за присылку корректуры. Если возможно, то я бы просил у вас прислать и хвостик ея. Слыва **чутья** никак не могу переменить. У нас совершенно нет ему равнозначного. При том, я его употребил потому, что оно уже получило некоторое право гражданства: его употребил Пушкин, и даже Жуковский в путешествии по Саксонии, в смысле художественном... <...>*

Желаю вам совершеннейшего здоровья. Остаюсь ваш покорнейший слуга. Н. Гоголь».

Однако вернёмся к 1853 году, к событиям тяжёлой, закончившейся поражением Крымской войны, ознаменованной подвигами адмиралов Нахимова, Корнилова, великого хирурга и

выдающегося педагога Н.И. Пирогова, а также беспримерным героизмом тысяч солдат, офицеров, матросов. Отметим факт, по сути, банальный: журнал — не газета и об идущей в Крыму войне нет в нём оперативной информации. Те же рубрики на его страницах, та же тематика: «О необходимости Наук для успеха искусств и ремёсел», «Дополнительные сведения о распоряжениях Петра Великого для обучения Русских Восточным языкам», «Памятник Жуковскому в селе Поречье». И даже информация, «Посещение Британского Музеума Ея Императорским Высочеством Великою Княгинею Мариною Николаевною». А ведь идёт война с Англией...

В 84-й части Журнала за 1854 год появляется долгожданное сообщение: «Перевод «Кавказского пленника» Пушкина на чешский язык» и «Новое издание сочинений Пушкина» на родине. Возможно, я ошибаюсь, но до 1854 года имя поэта я в журнале не находил.

И это похоже на анонс, поскольку уже в следующем номере напечатана 30-страничная «Речь, читанная на годичном акте Ришельёвского Лицея, 30 Августа 1854 г., о художественно-национальном значении произведений Пушкина».

Итак, что же говорили о Нём в Одессе в 1854 году?

Автор, профессор К. Зеленецкий, заявляет, что предметом его беседы есть «простое указание на те из произведений Пушкина, которые имеют художественно-национальное значение», и что он считает «не лишним высказать предварительно несколько слов и замечаний о задаче поэзии в отношении к жизни народа и к нравственному началу его национальности. Эти общие замечания сами собой приложатся к тем из сочинений Певца «Полтавы», которых содержание составляет русская жизнь, чувства и быт русского народа. ...Вся наша задача состоит в том только, чтобы обратить внимание на его национальное значение. <...> В сфере изящного чувства, трепещущей биениями сердца и деятельной в игривых мечтах, пламенеет то, что священно для каждого, у кого есть родина и есть предки. Это — национальность».

Национальность каждого народа, эта особенность его духовного образования, проявляется во всех началах и отраслях его деятельности, но ни в одной из них не таится она так глубоко и не обнаруживает себя в таких ярких чертах, как в изящном чувстве. Причина этому в том, что чувство этого рода, всего более отрешённое от условий внешности, хранит в себе и бережёт утончённейшие движения души и сердца, в их целомудренной чистоте, во всей святости их национального характера. Потому-то национальность каждого народа всего прежде и полнее высказывается в произведениях его изящного чувства, то есть в его песнях, сказках и поэтических вымыслах».

Всё это сказано о Пушкине, связано с его поэзией и всё это сказано в нашем журнале впервые 150 лет тому назад.

И далее, говоря о поэзии и думая при этом о герое своей статьи, Зеленецкий продолжает: «Она собирает круг близких сердцу у семейного очага и, как некий благодатный гений, стережёт непорочность души, ведёт её по отеческим полям и сёлам, указывает на родное небо, на озеро, принадлежавшее дедам, и на лес, разведённый отцом, ведёт на старинное кладбище, где почивают тени предков, вводит под отчий кров, где дряхлый дед собирал внуков в одну семью у матерняго лона, приводит и в храм божий — обитель тёплой молитвы. <...> Жизнь Русская своеобразна, как и всякая другая, исторически-самобытная и коренная. Она так глубоко зарождена в своём народе и так горячо пламенеет в его сердцах, что не может не найти своего художественно-изящного выражения в образах и идеалах поэзии. Ещё в Державине тепло и одушевлённо билось Русское сердце, но пора самобытного творчества при нём не настала для родной Музы нашей. Услуга Жуковского — в том, что он, как «гений чистой красоты», приблизил Русскую Поэзию к этой поре. Но только с явлением Пушкина настаёт эта пора во всей полноте и окончательности своего проявления».

Анализируя творчество Пушкина, профессор особое внимание уделяет тем произведениям, что взяты из русской жизни, места им отводится изрядно.

О поэме «Руслан и Людмила» он пишет: «Следов действительной жизни в сказочном мире искать нельзя. Здесь, пожалуй, есть многое, что входит в обстановку народности и

служит её наружной принадлежностью; но нет того, что составляет её душу, нет народного чувства нашего, для которого эпоха Южной, Киевской Руси слишком отдалена. Словом, здесь есть внешнее и притом давно минувшее и нет внутреннего, нет той национальности, которая темно и безразлично зарождается в прошедшем и всей полнотою сил созревает и проявляется в настоящем».

Как видим, мнение Зелецкого о «Руслане и Людмиле» весьма отличается от современной оценки этого гениального творения поэта.

А вот его мнение о «Бесах»: «Баллада «Бесы» есть, без сомнения, одно из лучших произведений нашей Поэзии. Всем, кто ночью, в метель и вьюгу, ездил по снежным равнинам Северной России, хотя бы между Тверью и Новымгородом, знакома грусть, которую на душу одинокого путника наводят и заунывная песнь ямщика, и ровный бег его тройки под однозвучный колокольчик, и ель, и сосны по дороге, и небо, слившееся с воздухом в снежном тумане. Но когда понесёт метель и завоет вьюга, тогда робкое чувство, дружась с суеверным воображением, готово приписать эту тяготу душевной злобной потехе самих бесов. Оно пугается их и, теснясь в себе самом, ищет отогреться. Пришед же в себя и успокоившись, она мечтает уже, что и различает бесов, и создаёт из них особый мир — фантастическое олицетворение разъярённых стихий Природы. Поэт постиг эту суеверную робость сердца, переселился в мир, созданный его мечтой, и в образе бесов, терзающих сердце путешественника завыванием вьюги и метелью, как нельзя полнее воссоздал впечатление действительности. При чтении этого стихотворения невольный трепет объемлет душу. <...>

Баллада «Зимний вечер», имеющая много открытого лиризма, отличается опять глубоко-эмоциональным, меланхолически-отрадным чувством. Это тихое раздумье, сквозь которое отраднo светит луч сердца, растворённого любовью и надеждой, составляет одну из нежнейших сторон Русского чувства».

И следует публикация почти всего стихотворения. «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...»

Профессор Зеленецкий даёт высокую оценку «Повестям Белкина», «Пиковой даме», «Барышне-крестьянке», «Дубровскому» и «Летописи села Горюхина» (именно Летописи, а не Истории), как потом назвали это произведение.

Он очень подробно и с явным пиететом пересказывает содержание «Бориса Годунова» и приводит в тексте множество великолепных отрывков. На это щедро отводится пять страниц журнала. Думается, что пушкиноведам было бы важно прочитать всю эту речь.

И затем следует «Полтава», в которой Пушкин «...во всех подробностях описываемой жизни и во всех цветах и оттенках поэтического колорита обличает и время, и место действия — благорастворённую воздухом Малороссию». Анализ «Полтавы» занимает у автора шесть журнальных страниц.

Профессор зато очень краток, переходя к следующему произведению.

«Капитанская дочка» — исторический роман, который в художественном отношении есть, конечно, одно из совершеннейших произведений в своём роде, представляет живую картину временной смуты в Юго-Восточной России, в ту пору, которую отцы наши называли «Пугачёвщиной». Роман этот привлекает нас к себе множеством всякого рода подробностей Русской жизни ещё недавнего времени. Они рассеяны во всех главах его. <...> И в каком дивном, нравственном величии является в нём мудрейшая и прекраснейшая из Государынь, Царица Севера. Вообще должно согласиться, что Поэт воссоздал для нас эпоху Пугачёвщины с изумительной верностью».

Автор с видимым удовольствием начинает сообщение о «Евгении Онегине» с того, что Пушкин начал писать его, живя в Одессе. «В этом романе «современный столичный и сельский быт нашего дворянства нашёл полное художественное выражение. <...> В нём быт этот, воссозданный в идеально-благородных очертаниях, эстетически-прекрасен и заставляет ценить себя, дорожить собою и любить любовью сына материнские седины и родительский дом. Тут-то, в картинах этого быта, душа не возмущается ничем, сердце бьётся теплее, а успокаивающее чувство становится отраднее».

Совсем близко от Одессы, в Крыму, идёт война, и Зеленецкий, движимый гражданским чувством, привлекает Поэта к защите Отечества.

«Наконец, и великие события современного царствования нашли звучный отголосок для себя в лире Поэта, которая вторила всему, чем в летописях человечества красуется и возвышается Отечество наше. Пушкин, как истый сын России и как представитель его народного духа, не мог не сочувствовать славе своего Царя и Отечества. И лира его отозвалась дивными звуками. Когда Парижские «мутители палат» распалили бунт в Варшаве, он пел, вдохновенный величием и силою России, пел в ответ на их нареkania и пустословные угрозы:

Вы грозны на словах: попробуйте ж на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постели,
Не в силах завинтить свой Измаильский
штык?

Иль Русского Царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново,
Иль Русский от побед отвык?..»
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От Финских хладных скал до пламенной
Колхиды,

От потрясённого Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская земля?

Автор статьи делает вывод: «Таким образом, в лице Пушкина имеем мы в полном и высоком смысле национального Поэта, произведения которого столь же дороги русскому сердцу, как животворный огонь родного очага. <...> И Великий Монарх, Отец Отечества, провидел это значение Пушкина, как писателя, который дорог русскому сердцу, и призрел поэта и его семейство к Своего престола, — у того святодержавного Престола, у коего Отечественная образованность и просвещение находят твёрдое и надёжное убежище для себя».

В этом же номере журнала в связи со столетием Московского университета напечатаны статьи академика М.П. Погодина «Воспоминание о Ломоносове» и «Благодарное воспоминание о Иване Ивановиче Шувалове», подписанная историком Сергеем Михайловичем Соловьёвым (1820–1879). Он был ректором университета в 1871–1877 годах и его титанический труд «История России с древнейших времён», состоящий из 29 томов, актуален и востребован до сих пор.

Журнал, как правило, предоставляет свои полосы весьма именитым персонам своего времени. Например, в 86-й части опубликована статья «Введение в педагогику» профессора Киевского университета, автора первого в России философского словаря «Философский лексикон» Сильвестра Сильвестровича Гогоцкого (1813–1889); а также статьи об академике Андрее Михайловиче Шёгрёне (1794–1855), создателе первой осетинской грамматики, об авторе «Истории германского государства и права» академике Карле Фридрихе Эйхгорне (1781–1854).

В рубрике «Разные известия» напечатаны «Траурный акт в Императорском Дерптском Университете по случаю кончины в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича» и «Дань Императорского Русского Географического Общества памяти в Бозе почившего...». В этой же рубрике помещён и «Некролог» на 24 полосах.

А за 8 дней до своей смерти император подписал «Высочайшие Повеления о пожертвованиях по случаю настоящей войны, сделанных по ведомству Министерства Народного Просвещения»: «Чиновники, преподаватели, воспитанники, воспитанницы учебных заведений Министерства Народного Просвещения движимые чувством <...> пожертвовали в пользу раненых и семейств убитых воинов 14 195 р. 16 к. сер.». В докладе государю сообщается и о других, личных жертвованиях и патриотических поступках. На что император «Всемилоостивейше соизволил на принятие означенных жертвований и с объявлением жертвователям и другим лицам благодарности за их жертвования и усердие, как изъяснено в прилагаемой

подробной ведомости». Эта ведомость занимает 13 страниц журнала.

В следующем номере журнала — печальное сообщение: «Отпевание тела Графа С.С. Уварова и панихида о упокоении души его», а также «Очерк жизни и трудов Князя Платона Александровича Ширинского-Шихматова», бывшего министра просвещения, умершего в 1853 году при исполнении служебных обязанностей. Заменял его на этом посту Авраам Сергеевич Норов, герой Бородина, известный учёный-филолог.

В 1856 году редакторское кресло и неумолимое цензорское перо главного редактора от Сербиновича перешло к действительному статскому советнику (соответствовало званию генерал-майора) Александру Васильевичу Никитенко (1804–1877). Его биография — убедительное доказательство того, что, несмотря на сословную систему образования, талантливые и одарённые дети крепостных оказывались замеченными и получали университетские дипломы и профессорские кафедры.

Отец А.В. Никитенко был малороссийским крепостным графа Н.П. Шереметева, знал грамоту и умел объясняться по-французски. основополагающим принципом в его педагогике был постулат: «пожалеешь розгу — испортишь ребёнка». Саша вспоминал, что ласкового слова от отца он почти не слышал. В 1818 году первым учеником оканчивает он трёхклассное Воронежское уездное училище, но как крепостному доступ ему в гимназию был заказан. Однако пятнадцатилетний грамотей добивается возможности учительствовать в семьях купцов и чиновников в уездном Острогожске. Он был крайне самолюбив и не скрывал стремления руководить другими. Через четыре года он замечен самим предводителем дворянства В.И. Астафьевым, становится его секретарём по вопросам Библейского сотоварищества. Александр активен на этом поприще, глубоко изучает Библию и удостоивается чести выступить с речью на первом заседании общества, которое вёл министр просвещения князь А.Н. Голицын. Это выступление замечено князем, и при его поддержке, а также участии К.Ф. Рыльева, А.М. Муравьёва и Е.В. Оболенского Никитенко в октябре 1824 года получает «вольную», а в следующем году по протекции кн. Голицына поступает вольнослушателем, а потом и студентом философско-юридического факультета Петербургского университета.

В Петербурге он живёт на квартире у Оболенского, на жизнь зарабатывает репетиторством. Сближается с К.Ф. Рылеевым, Ф.Н. Глинкой, Я.И. Ростовцевым. Сочувствует «отважным умам», считает крепостное право злом, однако попытку своих новых друзей «одним махом решить вековые злобы» не одобрил и не поддержал.

В мае 1827 года Никитенко познакомился с Анной Керн, в доме которой он встречался с Пушкиным. Увлёкся ею, но наметившемуся было роману она всё же предпочла старую дружбу с Поэтом.

В 1830 году он допущен к чтению курса лекций по политической экономии в Петербургском университете и одновременно русской словесности в Смольном институте благородных девиц. Его продвижение по «университетской лестнице» весьма стремительно: в 1832 году он адъюнкт-профессор, в 1834-м — экстраординарный профессор, а с 1850-го и до 1864-го — профессор самого уважаемого университета России. Он много (и не только в университете) преподаёт, инспектирует учебные заведения С.-Петербургского округа. Его лекции весьма популярны. Студенты почитают красноречивого, глубоко знающего предмет бывшего крестьянина, добившегося всего своим трудом.

В 1833 году он замечен графом Уваровым и назначен цензором. Известны его конфликты с Пушкиным, в частности, при подготовке к публикации поэмы «Анджело». И всё же воздадим должное цензору Никитенко: это он в 1842 году одобрил к печатанию «Мёртвые души» Гоголя, изменив, однако, название на «Похождения Чичикова, или Мёртвые души». Сам же цензор сравнивал исполнение своих обязанностей с хождением по лезвию бритвы. От себя добавлю, что Николаю Васильевичу Гоголю дважды повезло в жизни с цензорами: «зарубленного» цензурой «Ревизора» к постановке в 1836 году разрешил сам император, а «Мёртвые души» с риском для карьеры — наш герой Александр Никитенко.

Авторитет его в литературных кругах весьма высок. Много лет в 30-е и 40-е годы он был цензором «Отечественных записок», в которых печатались тогда М.Ю. Лермонтов, В.Ф.

Одоевский, А.В. Кольцов, В.Г. Белинский. Через десять лет после Пушкина Никитенко два года был главным редактором журнала «Современник».

В конце 1853 года новый министр просвещения Авраам Сергеевич Норов привлекает Александра Васильевича к исполнению особых поручений, и Никитенко приходится делать за министра самую трудную и ответственную часть работы. С 1856 года он на четыре года становится заведующим Журналом Министерства Народного Просвещения, и надо воздать ему должное за то, что бразды правления журналом он передал из своих рук великому русскому педагогу Константину Дмитриевичу Ушинскому, а сам вскоре стал главным редактором правительственной официозной газеты «Северная почта», которую Министр внутренних дел П.А.Валуев предназначал «служить руководительницею русского общественного мнения».

Видимо, крестьянская закваска была основой трезвого и практического склада ума Никитенко, его прагматизма, как бы сейчас сказали. Но, как глубоко религиозный человек, он при принятии решений руководствовался не только здравым смыслом, но и высшими понятиями и убеждениями.

В историю России тайный советник А.В. Никитенко вошёл и как выдающийся литературный критик, историк литературы, академик Петербургской академии наук. Многие его труды и, в частности, знаменитые «Дневники», которые он вёл с 13 лет почти без перерыва, востребованы и сейчас, неоднократно переиздавались и хорошо знакомы нашим читателям.

Итак, Журнал с новым главным редактором вступил в новый период Российской истории.

Окончилась бесславным Парижским миром Крымская война. Но страна оказалась на пороге «Эпохи Великих реформ», начавшейся через пять лет.

Журнал постепенно меняется — и по содержанию, и по вёрстке, и даже по качеству бумаги. Мы видим в номере 92 за 1856 год знаменитую статью попечителя Одесского учебного округа Николая Ивановича Пирогова (1810–1881) «Вопросы жизни», в которой великий врач выступает как выдающийся педагог со своим мировоззрением и твёрдыми убеждениями о необходимости серьёзнейшей модернизации Российской системы просвещения. Пересказывать статью бессмысленно. Мы постараемся опубликовать её в первоизданном виде.

В этом же выпуске Журнала — статьи К.Я. Тимофеева «Генрих Песталоцци» и известного организатора и администратора просвещения Я.М. Неверова «Царствование Императора Николая I в отношении к просвещению России вообще и Кавказского края в особенности».

Журналистская изюминка номера — первое упоминание о 22-летнем Д.И. Менделееве: «Публичное защищение диссертации на степень магистра старшим учителем Менделеевым».

В 95-й части Журнала обнаруживаем ещё одну статью вышеупомянутого Тимофеева «Воспитание и воспитатели», а также несколько высочайших повелений, касающихся образования евреев: «Об открытии в г. Керчи казённого Еврейского училища 1-го разряда», «Штат Варшавского раввинского училища» и «О порядке избрания раввинов», «Об объявлении высочайшей благодарности раввину Гурлянду. Часть 120».

Хотел бы обратить внимание на статью академика Я.К. Грота в 98-й части 1858 года «В каких изданиях наша литература особенно нуждается?». Кто сейчас способен взять на себя смелость и написать подобную статью-призыв? В этом же номере помещён отчёт министерства за 1857 год с резолюцией императора: «Искренно благодарю бывшего министра народного просвещения за благие и чистые его намерения. Да поможет Бог его преемнику вести важную сию отрасль государственного управления к истинной пользе России».

Итак, преемником Норова стал Евграф Петрович Ковалевский — учёный-этнограф, первый министр, назначенный Александром II после вступления на престол. Направление, данное Ковалевским своему ведомству, гармонировало с эпохой великих реформ. Отмечу, что именно Ковалевский в мае 1860 года назначил заведовать Журналом К.Д. Ушинского.

В следующих номерах публикации об образовании детей горских племён Кавказа, о проектах уставов и о штатах горских школ. К этому времени завершилось покорение Северного Кавказа и правительство думает о просвещении его народов. Не забыты и победители. Читаем в Журнале: «Об учреждении штатов Новочеркасской гимназии и окружных училищ

Войска Донского». Любопытна информация «Посещение Шамилем Калужской гимназии».

Константин Дмитриевич Ушинский существенно поменял курс Журнала. Отделом первым стала рубрика «Педагогика и дидактика» и в ней его статьи «О нравственном элементе в русском воспитании», «Ответ на рецензию г-на Толля». Здесь же статья Юлия Рехневского, будущего главного редактора — «Очерк истории народных школ в Германии». Алексей Весский пишет «О приёме учеников в приходские училища», Михаил Носков «О проекте устава низших и средних училищ». Отдел второй — это рубрика «Науки вспомогательные». Находим в нём «Материализм и задачи философии» известного отечественного религиозного философа Памфила Даниловича Юркевича (1826–1874) и переводную статью «Гегель и его время». В отделе третьем «Критика и библиография» читаем: «Руководство к Педагогике Шерра», «Систематический Указатель книг и журналов, изданных в России в первом полугодии 1860 года (в особом приложении)» и многое другое. Отметим, что именно его фамилия, как редактора, ответственного за журнал, впервые в истории журнала печатается на последней странице.

Но не всё было радужно на горизонте Журнала. Самодержавная регламентация русской жизни порой доходила до комизма. Чего стоят помещённые на страницах Журнала Высочайшие повеления, то есть документы, подписанные царём: «О дозволении поместить в актовом зале Ларинской гимназии портрет покойного директора оной Фишера», «О дозволении действительным статским советникам Витте и Медлеру носить пожалованные им иностранные ордена», «О дозволении поставить в одной из зал Казанской 1-й гимназии портреты нынешних: министра народного просвещения и попечителя Казанского учебного округа», «О прекращении на 8 месяцев издания журналов «Современник» и «Русское Слово»». И наконец, «Временные правила книгопечатания». Всё в этих документах высочайшего дозволения интересно от корки до корки. Приведу небольшой отрывок: «Во всех вообще произведениях печати не допускать нарушения должного уважения к учению и обрядам христианских исповеданий, охранять неприкосновенность Верховной власти и её атрибутов, уважение к Особам Царствующего дома, непоколебимость основных законов, **народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждого**» (выделено мной. — В.Ч.).

«Не допускать к печати статьи: а) в которых возбуждается неприязнь и ненависть одного сословия к другому, и б) в которых заключаются оскорбительные насмешки над целыми условиями или должностями государственной и общественной службы».

«Не допускать к печати сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии».

И вот 4 апреля 1866 года дворянин и ишутинец Дмитрий Каракозов приезжает в столицу, стреляет около Летнего сада в императора, промахивается и погибает на виселице. Правительство через полтора года реагирует очень своеобразно: 13 октября 1867 года выходит Высочайшее повеление «Об учреждении в одной из Харьковских гимназий и затем по медицинскому факультету Харьковского университета двух стипендий в ознаменование памяти спасения драгоценной жизни Государя Императора 4-го апреля 1866 года».

В 1862 году Журнал печатает подготовленный по указанию К.Д. Ушинского «Библиографический указатель вышедших в России в 1859-м, 1860-м и 1861 годах книг и статей по части педагогики». Указатель занимает 160 страниц и содержит 1837 позиций в 27 рубриках. Гигантский, но такой необходимый учительству труд!

Великий педагог Константин Ушинский в самом конце 1861 года был вынужден уйти из Журнала. Всего два года работы, а как много сделано!

Его кресло занял Юлий Семёнович Рехневский (1824–1887) и, надо воздать ему должное, остался верен курсу Ушинского. Например, в 1864 году в Журнале есть информация о замечательном труде Ушинского «Родное Слово».

Скажем здесь доброе слово и о министре просвещения тех лет Александре Васильевиче Головнине (1821–1886), сумевшем поднять значение министерства и почти удвоить его бюджет. К счастью, он поддержал все преобразования, сделанные Ушинским.

В 1866 году Журнал, сохраняя традицию, начатую Ушинским, публикует «Библиографический указатель книг и статей, относящихся до народного просвещения вообще и воспитания в России в особенности, вышедших в 1865 году». Этот Указатель на 160 страницах характерен ещё и тем, что он снабжён Азбучным указателем имён авторов на 12 страницах, среди которых: Бредихин, Буслаев, Бутлеров, Белинский, Греч, Грот, Даль, Чарльз Дарвин, Добролюбов, Загоскин, Забелин, Лавров, Менделеев, Некрасов, Пирогов, Писарев, Потенция, Прокопович-Антонский, Пушкин, Соловьёв, Срезневский, Уваров, Ушинский, Шевырёв, Экземплярский и Языков.

В этом же году происходит смена как руководителя министерства, так и нашего Журнала. Министром почти на 15 лет становится граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), а главным редактором (с 1867 года) Александр Иванович Георгиевский (ум. 1911). На предпоследней же странице можно ознакомиться с объявлением об издании в 1868 году педагогического журнала «Детский сад», цель которого — улучшение семейного и общественного воспитания детей.

В 140-й части Журнала за 1868 год как бы сохраняется присутствие Ушинского. В ней обращают на себя внимание работы: «Русская азбука или руководство для обучения детей сразу читать и писать, начиная с 6-летнего возраста», «Первые уроки русской грамоты. Букварь и первоначальное чтение», «К вопросу о малоуспешных учениках наших гимназий», «Чтём замедляет в гимназиях успех языкоизучения», «Руководство к обучению грамоте по звуковой методе барона И.А. Корфа», «Дар слова и опыт дидактического руководства к преподаванию русского языка 9–11-летним детям».

Завершает этот номер рубрика «Современная летопись»:

Письмо г. Министра народного просвещения на имя г. председателя славянского благотворительного комитета в Москве, М.П. Погодина

Милостивый Государь, Михаил Петрович!

Глубоко сочувствуя неутомимой и плодотворной деятельности состоящего в Москве под председательством вашего превосходительства Славянского Благотворительного Комитета и желая оказать возможное посредством министерства народного просвещения содействие к успешному достижению преследуемой Комитетом цели — материальному и нравственному возрождению единоплеменных и единоверных нам австрийских и турецких Славян — я нашёл возможным назначить на сей предмет из отпускаемой в распоряжение моё суммы тысячу рублей, которые в непродолжительном времени будут переведены на имя вашего превосходительства.

Сообщая о сём вам, милостивый государь, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моём почтении и преданности.

Граф Дмитрий Толстой

...До Русско-турецкой войны за освобождение Болгарии оставалось 9 лет и на Шипке всё было тогда спокойно, а под Плевной не было ни одного раненого.